

Русский музей — музей художественный, и любая тема в его экспозиции должна раскрываться именно на художественном материале и строиться на историко-художественной проблематике. В Михайловском замке в рамках цикла, получившего несколько претенциозное, но справедливое наименование «Сага о Романовых», осуществлены пять выставок. Ни одна из них не повторяет другую ни методологически, ни концептуально. Стремление сосредоточиться на главном, минуя мимолетности и случайности, — сложная и почетная задача, которую решали организаторы в каждом из проектов цикла, разрабатываемого Русским музеем с 2014 года.

«САГА О РОМАНОВЫХ»

Григорий Голдовский

Ф.П. Рокотов. Портрет великого князя Павла Петровича в детстве. 1761. Холст, масло. 58,5x47,5. © Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

Процесс реализации выставки всегда вызывает горькое сожаление о ее неизбежно временном характере. Рассмотренные или зафиксированные рядом как бы известные артефакты – изобразительные материалы, исторические источники и воспоминания – в новых экспозициях обнаруживают, вполне соответствуя стремлениям организаторов, концептуальные новации при методологическом единстве. Неожиданно важными становятся кажущиеся мелочи, к примеру, выбор экспозиционного пространства. Для первой выставки «Саги» (24 декабря 2014 – 10 мая 2015) – «Павел Петрович – великий князь» (именно так, а не наоборот) – темы сложной, изобилующей значимыми подробностями, трактуемой важной и неисчерпанной проблеме становления личности будущего владельца Михайловского замка, обоснованно избраны покои великого князя Николая Павловича. Этот выбор обозначил тональность экспозиционного строя, скорее лирико-ностальгическую, чем объективно-историческую, сформировал принцип всей серии – не энциклопедический подход, предметно подтверждающий устоявшие-

ся суждения об эпохе того или иного царствования, а некие новые содержательные акценты. Обыденные представления о великом князе Павле Петровиче в последние десятилетия по справедливости изменяются и расширяются. Впервые за много лет широко цитируются забытые архивные материалы, записки воспитателя великого князя Семёна Порошина и служившего при нем одно время Андрея Болотова, мемуары самого Павла. Эти источники рисуют неординарный образ человека, способного чувствовать «беспокойство и неловкость» при знакомстве с невестой, бывшего «кумиром своего народа» (по выражению австрийского посланника Лобковица). Актуальные в том числе и после выставки мысли о личности Павла Петровича рождают ощущение удивительной цельности этого исторического персонажа, сформировавшего жизненные ориентиры в раннем, практически детском возрасте. Чувство долга и осознание предназначения, как кажется, родились вместе с ним, с младенчества предававшимся размышлениям о правде и искренности, о смысле существования, о связи своей судьбы с будущим Отечества, о собственной миссии, обусловленной происхождением.

Обращение к запискам современников и свидетелей невинных лет Павла Петровича позволило воссоздать образ великого князя – трогательный и пленительный, даже в тех качествах, которые мемуаристы считают недостатками. Он «резов, но мил» – умен, любознателен, талантлив, ответственен – и вместе осознанно дисциплинирован, прилежен в учебе, искренен, порывист, страстен, влюбчив, одержим взрослыми фантазиями и детскими страхами – и вызывает безусловную симпатию. С детства Павел Петрович всячески проявлял желание и умение любить, откровенно, искренне и чуть наивно выражать теплые чувства к «дамам сердца», к учителям, к друзьям и, безусловно, к маме. И это качество «русский Гамлет» не изжил до конца дней – он любил и верил, вопреки фактам, вопреки предчувствию измены. Павел Петрович, естественно, фигура человечески и исторически противоречивая. Вот почему Русский музей счел особенно важным напомнить этапы становления этой личности, которой и при жизни

и по смерти довелось претерпеть множество наветов, формальных суждений, выдававшихся за историческую истину. Собранные вместе изобразительные материалы и архивные документы о детстве и юности Павла Петровича, вне всяких сомнений, позволяют задуматься и пересмотреть многие ходячие оценки, которые, к сожалению, пока еще бытуют.

Когда возникла мысль о выставке «Портрет петровского времени», лучшего и более органичного пространства для нее, чем Георгиевский зал с примыкающими Парадной столовой, Лаокооновой галереей и овальным аванзалом, и не виделось. Обилие материала и принцип его организации в дизайнерски спроектированных компартиментах в соответствии с главными особенностями художественного явления способствовали тому, что выставка обрела самостоятельный, внутренне совершенный научный и эстетический смысл. И тема ее закономерно расширилась: «Петр I. Время и окружение» (17 декабря 2015 – 3 апреля 2016). Спасибо коллегам из разных музеев:

Луи Каравак. Портрет Петра I. 1722(?). Холст, масло. 69x55. © Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

Фрагмент экспозиции «Петр I. Время и окружение». 2016. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

Георг Христоф Гроот. Портрет императрицы Елизаветы Петровны. 1740-е гг. Холст, масло. 125x97. Государственный музей Республики Татарстан. Казань

благодаря их содействию в Михайловском замке удалось собрать более 200 произведений. Торжественная и строгая архитектура зала, отнюдь не каноничная с точки зрения стилевой привязки (неординарное цветовое решение, странно непрофилированные мраморные плоскости стен), казалось, содействовала и даже подталкивала к выбору нового выставочного принципа. Я бы назвал его экспозиционным моделированием – когда задачей авторов становится определение и демонстрация специфических структурных элементов художественного явления, и вместе с тем зримое утверждение его образно-тематического единства и стилистической общности. Задачу можно считать выполненной, поскольку собранные вместе в изрядном количестве портреты петровской эпохи, при всей типологической повторяемости, не производят впечатления скучного, однообразного, монотонного ряда. Но куда важнее, что вместе с выставкой, вызвавшей огромный интерес, возродилось осознание, что живопись этого судьбоносного времени – вовсе не компендиум архивных раритетов, ценных лишь как свидетельства давно про-

шедшей эпохи, но полноценная именно художественная среда, погружение в которую способно пробудить абсолютно современные эстетические переживания цельностью и силой монументальной, суровой выразительности, особостью артистического взгляда, сконцентрированной практически в каждом произведении эмоциональной энергией, достоверностью отражения того реформаторского пафоса, который во многом определил будущее России.

Хронологического принципа в реализации «Саги» устроители не придерживаются, и следующий проект в выставочном калейдоскопе Михайловского замка посвятили елизаветинскому времени. В этой экспозиции, «оккупировавшей» жилые покои императора Павла на первом этаже (которые очень уж подошли своеобразной, пульсирующей пространственной структурой), акцент был сделан вовсе даже не на личности правительницы, а на историко-культурной и художественной ситуации. Правление Елизаветы Петровны (1741–1761), несомненно, является начальным этапом в России общеевропейского культурно-исторического явления, именуемого эпохой Просвещения. Его национальное, специфически российское преломление стало важным вкладом в европейскую культуру.

Устроители попытались трактовать елизаветинское время через призму творчества «гофмалера и гофмузикера» Георга Христофа Гроота (в 2016 году отмечалось 300 лет со дня его рождения; выставка проходила со 2 декабря 2016 по 13 марта 2017). Наиболее плодотворную часть своей короткой жизни мастер прожил именно в России, куда приехал в 1741 году, где и скончался 21 сентября 1749 года. Таким образом, значительный период правления «дщери Петра Великого» обрел в лице Гроота свидетеля и художественного хроникера.

Гроот писал иконы, делал рисунки для медалей, выступал комиссионером при покупке картин в Праге, организовал в Санкт-Петербурге реставрационную службу. И все же главным его занятием при дворе было создание портретов – самой царицы и ее приближенных. Ярко индивидуальная манера художника оказалась созвучной представлениям эпохи о красоте и изяществе. По общепринятому мнению, редко кто с такой «правдивой красотой и

наивной ясностью» рассказывал о светской внешности и духовном облике целого общества.

Дамы и кавалеры в портретах кисти Гроота как бы возникают видением из зазеркалья, в изысканных одеждах с золотым и серебряным шитьем, с лицами, обрамленными прихотливыми прическами. Эти портреты хорошо уживаются с интерьерами в стиле рококо, моделированными в выставочном пространстве, выступая словно частью их декоративной отделки. Вместе с тем они парадоксально сохраняют индивидуальность модели и ощущение достоверности ее изображения. Наследие художника в контексте эпохи на выставке впервые было представлено в почти исчерпывающей монографической полноте – 37 произведений. Здесь показали и полотна, впервые атрибутированные в качестве работ этого мастера.

Творчество Гроота – важнейшая часть русской художественной культуры елизаветинского времени, яркий знак, органичная составляющая ее контекста, что достаточно полно и стилистически целостно подтвердила выставка в Михайловском замке, абсолютно не противореча его постоянно ощущаемой и проявляющейся исторической и эмоциональной ауре. Так была решена важная задача экспозиционного освоения этого замечательного памятни-

ка. Причем чем плотнее вживаешься в его сложные и многообразные объемы, тем определенной почти мистическое ощущение, что сам замок загадочным величием диктует выставочный выбор, порой вне рутинных планов.

Годы царствования Екатерины Великой (1762–1796) – один из самых насыщенных событиями, начинаниями, реформами, предприятиями и акциями периодов отечественной истории. Наиболее действенным способом лаконично и достоверно представить несомненно особый и своеобразный период правления просвещенной монархини является историко-культурная реконструкция, корпус собранных вместе на выставке или в публикации художественных памятников. Такой метод воистину неисчерпаем, бесконечно убедителен и всегда нов. Этот постулат и пытались доказать в Русском музее экспозицией «Екатерина Великая в стране и мире», организованной в том же Георгиевском зале Михайловского замка (15 февраля – 28 мая 2018).

Замечательной и уникальной особенностью разнообразного художественного наследия екатерининской эпохи можно считать то, что широко известные события истории правления великой государыни обрели в нем культурологический смысл, нашли почти иллюстративное отражение. И это отнюдь не только войны да внутри-

Фрагмент экспозиции «Георг Христоф Гроот и Елизаветинское время». 2016. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

Стефано Торелли. Портрет Екатерины II. Между 1762 и 1766 годами. Холст, масло. 244x178. © Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

и внешнеполитические успехи – важна и интенсивна гуманитарная составляющая екатерининских реформ.

Жесткая социальная и насыщенная событиями внешняя политика России проводилась в удивительном по разнообразию и богатству культурном контексте. Деятельная протекционистская позиция императрицы по отношению к национальной культуре убеждает, что монархине было отнюдь не все равно, какое суждение о времени ее правления вынесут потомки. Множество высококачественных художественных памятников, оставленных последующим временам екатерининской эпохой, делают этот период неисчерпаемым, неизменно актуальным предметом выставочного показа и публикации, позволяют раскрыть его как очень своеобразную историко-культурную целостность. Опять-таки для визуального ряда были выбраны наиболее важные темы из истории России, в их художественном преломлении. Разумеется, это иконография самой Екатерины и ее ближнего круга.

В период Просвещения культура и искусство обретают повышенный общественно-идеологический смысл, и Россия здесь не исключение. Екатерина Великая искренне верила в осуществимость проекта просвещенной монархии, а вовсе не вводила злокозненным притворством в заблуждение общественное мнение.

В истории искусства этот период зачастую обозначается по, казалось бы, доминирующему стилевому направлению, «эпохой русского классицизма». Однако такой стилистической определенности в культуре екатерининского времени нет. Можно говорить лишь о мотивировке к становлению классицистического художественного мышления, усилившейся к концу века с нарастанием имперских тенденций. И в живописи, и в графике, и в декоративно-прикладных видах вне иерархии сосуществовали черты барокко, рококо, идеи классицизма, подчас без преобладания каких-то определенных стилевых признаков.

Зато целостность эпохи определена неприменным художественным откликом на любое из действий или начинаний, будь то «греческий проект», русско-турецкие войны, присоединение Крыма, путешествия императрицы или «высочайшие» контакты.

Именно при Екатерине II переживает расцвет собственно русская художественная школа. В свою очередь, отвечая общественной потребности, возникли условия для формирования сбалансированной и полной системы родов, видов и жанров. Русское искусство екатерининской эпохи по стилевым признакам, обилию профессиональных кадров, их квалификации, уровню мастерства стадильно соответствовало европейскому художественному развитию. Сам очевидный факт беспрецедентного развития, структурных перемен, произошедших в эстетической практике, свидетельствует о том, что пластические искусства 1760–90-х годов в России развивались в тесной связи с тем идейным контекстом, который определял особенности тогдашней русской жизни. Не последнюю роль в эту эпоху играли активные и многообразные историко-культурные и художественные связи с Западной Европой. Екатерининская эпоха прославлена еще и работами в России крупных европейских мастеров.

Для тематической выставки в каждом отрезке прошлого приходится выбирать то, что осталось непреложно ценным, важным и незабываемым – высшие (в гуманистическом измерении) достижения культуры. В екатерининской эпохе их концентрация оказалась достаточно высокой, что содействовало выставочной систематизации, помогая, в свою очередь, сохранить важное стилевое единство экспозиционных разделов.

«Николай I» – последний на сегодняшний день выставочный проект из цикла «Сага о Романовых» (13 февраля – 12 июня 2019). Приступали к работе с робостью: обескураживало, впрочем, как всегда творчески преодолеваемое – вал предметов (свыше 500) и первичное замешательство в деле их систематизации. Осложняло задачу огромное количество бытующих стереотипов и противоречивых суждений в источниках. Кроме того, в Петергофе ведь есть уникальный монографический музей эпохи – Коттедж. Пафос проекта, как и ранее, – объективность характеристики. Интерьер тот же, но необходимость со-

вершенно иной интонации, а значит, особой организации пространства очевидна. И это в ситуации, когда о главном персонаже все всё знают: Николай Палкин, декабристы, Третье отделение, «чугунная» цензура, жандарм Европы, Крымская война... Все это на выставке есть, однако не является экспозиционной тоникой. Художественная правда, даже если она повернута главным образом официальной стороной, объемней дидактических постулатов. Мы сочли себя вправе оставить за скобками общепринятые декларации, касающиеся Николая и его царствования. Это позиция художественного музея: субстанциональные черты времени неизбежно обозначатся в системе художественных памятников. Ведущую идеологему эпохи «самодержавие, православие, народность» посчитали возможным расшифровать через триаду «личность, двор, семья».

Николай Павлович, по нашему мнению, фигура трагическая! Старались показать, чем была наполнена жизнь монарха, начатая очень молодым и красивым человеком и завершенная через 40 лет сильным

Фрагмент экспозиции «Екатерина Великая в стране и в мире». 2017. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

правителем, которому, однако, не удалось передать наследнику Россию мирной, процветающей и устроенной.

Тематическое разделение пространства здесь жестче, чем в предыдущих экспозициях. К известным качествам и предприятиям императора надо было акцентированно добавить обычно замалчиваемые или странно интерпретируемые: безусловный патриотизм, стремление к утверждению всевропейской славы и величия России, заботу о развитии государственных институтов, попечение о процветании художеств, безукоризненную личную честность, семейные добродетели... Каждый фрагмент выставки – не повествование, а знак, подлежащий истолкованию: парады – символ державности, а то и воплощение уваровской триады «самодержавие, православие, народность»; модель Романовской галереи – династическая и историческая память, вместе с заслугой по реформированию Эрмитажа; иконографический раздел (совместно с Александрой Федоровной) красноречив, как ни у кого из предшественников и последователей: типов немного, разнятся платьем и аксессуарами, но во всех примерах очевидно (то есть видно очами!), каким хотел пред-

ставлять себя государь Николай Павлович, осознанно или подсознательно: суровым, подозрительным, отчужденным от зрителя, беспристрастным судьей. То есть любой экспозиционный ряд, созданный на художественном материале, многозначен и позволяет видеть предмет шире, глубже, подробней, чем любое историческое сочинение. Да и сама экспозиция стилистически обнаруживает некую декоративную избыточность, свойственную именно николаевскому времени. Бывает и так, что выставочные узлы формируются стихийно: в данном случае – мемориальный фрагмент с походной кроватью, маской и описанием ритуала погребения (это символ недолговечности) и фрагмент (прямотаки иконостас) из альбома Бореля-Мюнстера с портретами тех, кто вследствие покровительства или попустительства государя обеспечил величие и славу его эпохе. Нам кажется, что такие размышления уместны в залах Михайловского замка и закладывают некую тонику в контрапункте его использования.

Все выставки проекта сопровождаются каталогами с обширной вступительной статьей, раскрывающей главные методологические установки экспозиции и, прежде

Фрагмент экспозиции «Николай I». 2019. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

Франц Крюгер. Портрет Николая I. 1846–1847. Холст, масло. 31,5x22,5.
© Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

всего, формулирующей концептуальные и оценочные новации, которые и составляют фундамент отбора и организации художественного материала в каждом разделе «Саги о Романовых».

В следующем году – юбилейном для Русского музея – планируется выставка, посвященная Александру III. А значит, опять придется что-то решать и доказывать – себе, зрителю и музейному сообществу.

Ключевые слова: Русский музей, Михайловский замок, «Сага о Романовых», выставка, художественный проект, династия.